

лужне хотѣтъ сама явиться въ коннѣ. Болотова-
ному о Архимандриту Мелхиседеку и доктору
охраняемъ оныя и оныя предпримать въ
оказаніи и прочее и прочее и прочее и прочее

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

1866 года.

№ 19.

Октября 1.

38-е ПИСЬМО

**Высокопреосвященнѣйшаго Филарета,
Митрополита Кіевскаго.**

Преподобный Отецъ Игуменъ Даниль.

Любезный о Господѣ братъ!

Благодарю тебя за письмо, которое доставило мнѣ утѣшеніе. Слава Богу, что у васъ все смирно и согласно и благочинно. Теперь и слухи все о перемѣщеніи меня кончились. Будемъ вмѣстѣ работать Господу и послѣ назидать братію кроткимъ и смиреннымъ и тихимъ указаніемъ имъ пути спасенія въ любви Господа нашего Іисуса Христа, другъ друга тяготы носяще. Иконописцу нѣчего у насъ дѣлать;—ибо и работа малая и Ка-

лужане хотятъ сами написать иконы. Боголюбез-
ному о. Архимандриту Мелхиседеку и добрымъ
старцамъ обители и скита препосылаю Божіе
благословеніе и прошу у всѣхъ молитвъ ко Гос-
поду.

Вашъ усердный слуга,

Филаретъ Епископъ Калужскій.

1824 года іюля 9 дня.

Калуга.

38-е ПЕРМО

Митрополита Мисевскаго
Высокопреосвященнаго Филарета

Привольный Олимпій Мисевскій

Поздравилъ о. Господъ вѣст!

Возлюблю тебѣ въ искрѣ, которое доставило
миръ утѣшеніе. Глава Божья, что у всѣхъ все смир-
но и солвено и ослвдннво. Ученіе и снзкн вер-
о перемѣненіи меня кончался. Будемъ вмѣстѣ
рвдотвѣ Господу и посмѣтъ назнвѣтъ ослвднн прот-
кнмъ и смиреннмъ и тихмъ увзвннмъ мнѣ ку-
те свѣсенъ въ любви Господъ нашъ Іисусъ Хрѣ-
стѣ, дръмъ дръмъ тѣмъ посвѣ. Мнѣ ослвднннн
рето у всѣхъ дръмъ;—но и рвдотвѣ мнѣ въ Ев-

РѢЧЬ

при началѣ ученія въ Полтавскомъ Маринскомъ женскомъ Училищѣ 1-го разряда, по переходѣ этого заведенія въ новое, казенное помѣщеніе. *

При переселеніи на новоселье обыкновенно всѣ знакомые посѣтители выражаютъ различныя благожеланія, исполненныя привѣта и любви. Позвольте и мнѣ, при нынѣшнемъ вашемъ переселеніи сюда — въ это новое помѣщеніе, высказать нѣсколько мыслей, тѣснящихся въ моемъ умѣ и выразить нѣкоторыя благожеланія, просящіяся изъ сердца.

Можетъ быть не всѣмъ вамъ извѣстно, что настоящее ваше новоселье не есть простое переселеніе изъ одного зданія въ другое, изъ частнаго помѣщенія, наемнаго, въ казенное, государственное. Это есть полное перерожденіе заведенія: оно обновляется и во внѣшнемъ своемъ видѣ и во внутреннемъ устройствѣ. Многіе предметы преподаванія переводятся изъ однихъ классовъ въ другіе и такое передвиженіе ихъ, если и не будетъ особенно новымъ, то во всякомъ случаѣ будетъ болѣе раціональнымъ. Составъ преподавателей во многомъ измѣняется: вмѣсто прежнихъ безмездныхъ наставниковъ, удѣлявшихъ для васъ часть своего времени и труда, теперь будутъ преподаватели платные, которые будутъ получать за свой трудъ

---

* Произнесена послѣ молебствія 5 сентября 1866 года.

вознагражденіе и, конечно, усерднѣе прежняго будутъ исполнять свои обязанности по долгу. Самый составъ управленія заведеніемъ измѣняется: многочисленность лицъ, направлявшихъ ходъ жизни его, — лицъ, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстностей, различавшихся по своему образованію и направленію, прекращается и управленіе сосредоточивается въ Совѣтъ сравнительно не большаго числа лицъ, принадлежащихъ къ кореннымъ жителямъ здѣшняго города и края и безъсомнѣнія вѣрно понимающихъ его потребности. Но самое главное преобразование заведенія нашего состоитъ въ томъ, что въ руководство его принимается Положеніе, выработанное законодательными учрежденіями и освященное утвержденіемъ Верховной Власти.

И такъ съ одной стороны — со стороны руководителей и наставниковъ уже сдѣлано доброе начало. Теперь очередь за ученицами. Что же намъ дѣлать? подумаетъ каждая изъ васъ. — Я постараюсь объяснить, что слѣдуетъ сдѣлать съ вашей стороны, чего отъ васъ желаютъ и ожидаютъ.

Обратите вниманіе на то, что дѣлаютъ всѣ переходящіе въ новое помѣщеніе: они обыкновенно бросаютъ и оставляютъ навсегда пыль, соръ, ветошь, которыя неизбежно накопляются между вещами и особенно тщательно уничтожаютъ всякую нечистоту, изъ опасенія, чтобы она не зародилась и не распространилась и въ новомъ помѣщеніи. И вамъ слѣдуетъ поступить также: отбросьте отъ себя навсегда всѣ пошлыя бредни человѣческаго мудрованія, которыя касались вашего слуха, а мо-

жетъ быть и сердца. Пускай никогда не появляются ни въ вашихъ словахъ, ни въ сердцахъ, ни даже въ мысляхъ нелѣпыя мечты о равенствѣ состояній, о разнузданности женщины, о распущенности мысли, слова и дѣла, — всѣ эти неосуществимыя химеры, недостижимые призраки. Особенно да хранить васъ Господь отъ этого такъ называемаго новѣйшаго нигилизма, появившагося дѣйствительно въ послѣдній разъ недавно, хотя и давно уже извѣстнаго ученому міру. Гоните отъ себя это ядовитое ученіе, столько лѣтъ смущавшее и тяготившее многихъ и наконецъ всѣмъ опротивѣвшее....

Помните, зачѣмъ мы всѣ приходимъ сюда: учить и учиться. Будемъ же заниматься этимъ своимъ дѣломъ усердно, честно. Отдадимъ наукѣ все наше время, всѣ наши мысли: она сторицею воздастъ намъ за это. Не будемъ увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія, не будемъ гоняться, какъ неразумные дѣти, за мыльными пузырями, а займемся дѣломъ, предадимся полезному и производительному труду—ученію.

Дай же Господи, чтобы все то, о чемъ я такъ усердно молился, чего такъ искренно желаю, скоро и рѣшительно обнаружилось надъ нами и нашими ученицами; чтобы съ нашимъ заведеніемъ произошло полное и дѣйствительное обновленіе!

Да пребудутъ со всѣми нами благодать Господня, покровъ Божіей Матери и заступленіе святыхъ угодниковъ. Аминь.

Прот. Н. Думитрашко.

**ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ФИЛАРЕТЪ,
АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ И НЪЖИНСКІЙ.**

(Окончаніе.)

Прежде чѣмъ станемъ продолжать рѣчь о литературной дѣятельности Преосв. Филарета, мы должны сдѣлать необходимую оговорку.

Составляя списокъ сочиненій его, мы встрѣтили неодолимые затрудненія, которыя помѣшали намъ придать своему труду желанную полноту и безукоризненную вѣрность. Такъ, мы не могли отыскать здѣсь, въ Полтавѣ, «Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій» за *всѣ годы* ихъ изданія, не могли собрать даже *всѣхъ* номеровъ ихъ *ни за одинъ годъ*; не говоримъ уже о другихъ пособіяхъ, необходимыхъ для библиографической работы. Мы вынуждены были обратиться за помощію въ Харьковъ, откуда и получили цѣлые два тома «Черн. Епарх. Извѣстій». Считаемъ пріятнѣйшимъ долгомъ засвидѣтельствовать при этомъ свою сердечную признательность Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Макарію за то радужное вниманіе, съ которымъ онъ немедленно исполнилъ нашу просьбу.—Эта затруднительность отыскать въ провинціи *всѣ* необходимыя пособія помѣшала намъ внести своевременно въ списокъ еще нѣсколько статей Преосв. Филарета, встрѣченныхъ нами потомъ. Вотъ эти статьи:

1843.

Изысканіе о проповѣдникѣ XIII столѣтія, Владимірскомъ епископѣ Серапіонѣ (Прибавленія къ Твореніямъ св. отцевъ, 1843 г., часть I.).

Свидѣтельство временъ апостольскихъ о томъ, какъ

должно писать имя *Иисусъ* и изображать крестъ (тамъ же, часть I).

1863.

Предполагаемъ, что ему же, вѣроятно, принадлежать еще переводы изъ слѣдующихъ отцовъ церкви:

Блаженнаго Августина, епископа Иппонійскаго: слово о Христіанскомъ обученіи (Черн. Епарх. Извѣстія, 1863 г., № 24, стр. 773).

1866.

Блаженнаго Иеронима: Письмо къ Гавденцію о воспитаніи малолѣтней Пакатулы (Черн. Еп. Изв. 1866 г., № 5, стр. 129).

Очень можетъ быть, что встрѣтятся еще пропуски и другого рода ошибки въ списокъ и статьѣ нашей, но мы повторяемъ, что уже сказали прежде: «напередъ извиняемся въ невольныхъ погрѣшностяхъ своихъ». — За симъ обращаемся къ своему дѣлу.

Можно быть положительно увѣреннымъ, что представленный нами списокъ сочиненій Преосв. Филарета не приковалъ къ себѣ всего вашего вниманія, читатель. А все таки, хотъ бѣгло перелистывая его, вы навѣрно подумали про себя: «Однако много написалъ Преосв. Филаретъ». — Для дальнѣйшей бесѣды, намъ только и нужно такое впечатлѣніе ваше. Теперь представьте себѣ, читатель, всю многосложность и трудность епархіальнаго управленія обширными епархіями, прибавьте къ тому эти громадныя, чрезвычайно разнообразныя литературныя труды, — и вы, конечно, съ уваженіемъ превлнитесь предъ такою широкой и разносторонней дѣятельностію почившаго Архипастыря!... Но забудьте, пожалуйста, о тягостяхъ епархіальнаго управленія, остановитесь только на литературной производительности Преосв. Филарета, посмотрите — одинъ списокъ его трудовъ занялъ

нѣсколько страницъ, — и вы, конечно, скажете, что, за исключеніемъ Кіевскаго Митрополита Евгенія (†1837), во всемъ сонмѣ нашихъ архипастырей найдется развѣ еще одинъ, отличающійся подобною плодovитою и существенно-важною дѣятельностію, какъ приснопамятный, нынѣ почившій Владыка Черниговскій. И двадцати-пятилѣтняя литературная дѣятельность его нисколько не умялась съ годами, напротивъ — чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе она усиливалась. Посмотрите списокъ за 1861—1866 годы, и вы убѣдитесь, что въ эти годы Преосв. Филаретъ особенно часто напоминалъ о себѣ читателямъ; словно силы его не только не ослабѣли, но даже не нуждались въ отдыхѣ, словно они еще развивались болѣе и болѣе: разнородныя сочиненія, одно другаго серьезнѣе, выходили то-и-дѣло.

Гдѣ-же разгадка такой плодovитой дѣятельности?

Разгадка заключается въ его неоспоримо-великихъ и разнообразныхъ дарованіяхъ, въ его громаднѣйшей учености, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, принадлежавшихъ его времени и въ нѣкоторыхъ свойствахъ, принадлежавшихъ исключительно его натурѣ.

Мы не станемъ говорить о силѣ и характерѣ его дарованій, о степени его учености: кому объ нихъ ничего не сказали его сочиненія, тому нисколько не помогутъ наши отзвы, какъ-бы они ни были точны.

Переходимъ къ историческимъ обстоятельствамъ, среди которыхъ началась и развивалась его дѣятельность. Для этого мы должны перенестись въ начало сороковыхъ годовъ и припомнить рядъ дѣятелей того времени. Не нужно никакихъ справокъ, чтобы вспомнить на первыхъ же порахъ, что, послѣ смерти Митрополита Евгенія, у насъ не осталось ни одного духовнаго писателя съ такимъ разностороннимъ объемомъ дѣятельности. Кто

же были другіе? . Въ «Обзорѣ русской духовной литературы (1720---1858)» мы встрѣчаемъ, въ сороковыхъ годахъ, многіе десятки писателей, но изъ нихъ мы можемъ привести здѣсь, конечно, только замѣчательнѣйшихъ, такихъ, съ которыми можно, болѣе или менѣе, поставить въ уровень нашего автора. Это были: Митрополитъ Филаретъ Московскій, архіепископы: Григорій Казанскій, Игнатій Воронежскій, Иннокентій Херсонскій, Іаковъ Нижегородскій, архимандритъ Гавріиль, Протоіереи: Веніаминовъ (нынѣ Архіеп. Камчатскій), Голубинскій, Григоровичъ, Дебольскій, Кочетовъ, Маловъ, Никольскій, Нордовъ, Павскій, Путятинъ, Скворцовъ; монахъ Іакинфъ Бичуринъ; профессора духовныхъ академій: Амфитеатровъ, Горскій, Делицынъ, Карповъ, Надеждинъ, Сидонскій. Изъ свѣтскихъ, кажется, одинъ Муравьевъ.— Съ глубокимъ уваженіемъ поминаемъ и приводимъ эти имена, такъ-сказать, всероссийски-извѣстныя; готовы однако допустить, что мы нѣсколько именъ пропустили по забвенію, и охотно увеличиваемъ число замѣчательно-даровитыхъ духовныхъ дѣятелей, въ сороковыхъ годахъ, до 40... Что же? Мы отнюдь не позволимъ себѣ разбирать дѣятельность каждаго изъ этихъ лицъ, мы только рѣшаемся сказать два-три слова объ ихъ общей дѣятельности, о трудахъ всѣхъ ихъ въ сложности. Лица эти такъ извѣстны вамъ, читатель, что вы сами, конечно, легко вспомните объемъ и характеръ ихъ дѣятельности; припомните же хорошенько, загляните въ «Обзоръ русской духовной литературы (1720—1858 г.)» нашего автора,—и вы убѣдитесь въ относительномъ однообразіи и скудости (не пугайтесь этого слова) скудости духовной литературы въ это время. Изъ «Обзора духовной литературы» вы видите, что наличная духовная дѣятельность, въ со-

рововые годы и нѣсколько далѣе, преимущественно отличалась религіозно-нравственнымъ и проповѣдническимъ характеромъ. Если и были сочиненія другаго содержанія, то ихъ сравнительно было немного. Изъ «Обзора» вы видите, что если и были составляемы другія работы, напр. по каноническому праву, церковнымъ древностямъ, переводамъ и толкованіямъ Свящ. Писанія, исторіи церкви и пр., то значительная часть ихъ, по разнымъ причинамъ, оставалась въ рукописи. Изъ сочиненій, выходившихъ въ свѣтъ, инныя печатались въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ; большая часть трудовъ дѣльныхъ была разсѣяна по спеціальнымъ періодическимъ изданіямъ (которыя и теперь еще не имѣютъ ходу въ публикѣ). Инны писатели не ставили своихъ именъ на сочиненіяхъ, особенно подъ статьями въ духовныхъ журналахъ, и оставались неизвѣстными публикѣ; другіе слишкомъ мало печатали, третьи, безспорно даровитые, почти ничего не печатали и ограничивались только классными или служебными занятіями. Все они были или спеціалисты въ какой нибудь наукѣ, или же обнимали небольшой отдѣлъ духовной литературы. Такъ что положительно можно сказать, что между всеми ими почти никого не было, кто бы отличался многостороннею и быстрою дѣятельностію. Вслѣдствіе всего этого, литературные труды ихъ оставались извѣстны только въ духовномъ сословіи, точнѣе---въ нѣкоторыхъ кружкахъ его. Въ свѣтскую литературу и публику едва ли проникалъ десятокъ именъ изъ всѣхъ названныхъ нами. . . . Является Преосвященный Филаретъ. У него на первомъ планѣ стали исторія русской духовной литературы, исторія русской церкви—предметы такіе, которые болѣе прочихъ способны заинтересовать собою любопытное вниманіе общества. Къ этому дѣлу онъ подготовлялся долго, въ

стѣнахъ Академіи, до самаго своего святительства. (Мы не знаемъ ни одного труда его, совершеннаго имъ въ періодъ ректорства). Вотъ почему въ сочиненіяхъ своихъ онъ сразу явился во всеоружіи учености и блескъ рѣдкихъ дарованій. Онъ изъ первыхъ завелъ сношенія съ свѣтскими органами литературы или, по крайней мѣрѣ, съ учеными обществами. Онъ сталъ издавать труды свои и отдѣльно и въ разныхъ изданіяхъ, преимущественно свѣтскихъ. Естественное дѣло, что всѣмъ этимъ онъ быстро расширилъ кругъ своей извѣстности. Съ перваго же шагу его въ литературѣ, о немъ шумно заговорили; Московское Общество Исторіи и Древностей поспѣшило избрать его въ свои дѣйствительные члены; журнальная критика возложила на него широкія надежды. Періоды его «Исторіи Русской Церкви», въ которыхъ впервые послышался рассказъ о временахъ сравнительно недалекихъ отъ насъ и интересныхъ, встрѣчены были живымъ любопытствомъ, громкимъ одобреніемъ и привлекли къ нему вниманіе публики. Литературная извѣстность его скоро была упрочена твердо и незыблемо: людей, подобныхъ ему по учености, въ сороковые годы, было слишкомъ мало; у нихъ былъ свой кругъ занятій и въ разборы его сочиненій они не пускались; журнальная критика положительно не могла сравняться съ нимъ по широтѣ знаній и глубокомыслію взглядовъ, она большею частію привѣтствовала его почти-тельными отзывами; — понятно, что остальная публика только съ безмолвнымъ уваженіемъ встрѣчала его труды. И Преосвященный Филаретъ очень хорошо понималъ всю эту обстановку своей дѣятельности. Его, конечно, радовала мысль, что онъ своими учеными трудами занялъ себѣ мѣсто, недостижимое для многихъ, но онъ и на этомъ мѣстѣ не позволилъ себѣ успокоиться.

Почти вслѣдъ за нимъ явился новый могучій дѣятель, такъ-же во всеоружіи и такъ-же разнообразный; второстепенными свѣтилами явились и другіе, несомнѣнно даровитые и трудолюбивые; историческое, осмысленное изученіе состоянія церкви и духовенства сдѣлалось предметомъ немалаго числа ученыхъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. Эти успѣхи, безъ всякаго сомнѣнія, радовали нашего автора, но еще болѣе побуждали его къ новой дѣятельности. Словно избѣгая малѣйшаго соперничества и какъ бы стремясь оставить всѣхъ далеко за собою, онъ неутомимо и еще съ большею энергіею прилагалъ труды къ трудамъ. Окрыленный успѣхомъ, историкъ Русской Церкви скоро сдѣлался энциклопедистомъ въ духовной области, но въ этомъ энциклопедизмѣ видна была и быстрая и серьезная подготовка. Раскройте любое капитальное его сочиненіе 50-хъ и 60-хъ годовъ, — и васъ сейчасъ же поразитъ неоглядное обиліе въ немъ ссылокъ и цитатъ; въ нихъ пестрѣютъ названія многихъ сотенъ изслѣдованій, памятниковъ, изданій, рукописей. . . Съ великимъ изумленіемъ глядишь на эту громадную начитанность и думаешь: Господи! да когда онъ успѣлъ прочитать все это? какъ могъ удержать въ памяти и кстати примѣнить къ дѣлу всю эту массу свѣдѣній? Притомъ, не смотря на все обиліе цитатъ и ссылокъ, мы положительно утверждаемъ, что и тѣ и другія дѣлаемы имъ были еще довольно скупо, часто отличались крайней сжатостью (и — къ сожалѣнію — иногда неопредѣленностію и невѣрностію). Соображая все это, готовъ думать, что онъ писалъ свои книги, приводилъ цитаты, ставилъ ссылки наизусть, приблизительно, лишь бы не останавливалось дѣло. — Здѣсь намъ нужно обратиться къ его личнымъ свойствамъ, на сколько они намъ извѣстны изъ рассказовъ о немъ.

Вся жизнь его была посвящена чтению и труду. Обществу, публикѣ онъ отдавалъ себя только по крайней необходимости. Время между рукъ у него не уходило. Науколюбивый духъ его не позволялъ ему ни минуты бездѣйствія. Люди, близко къ нему стоявшіе, говорили намъ, что онъ и работалъ, и отдыхалъ, и ѣлъ, и пилъ, вѣчно съ книгою въ рукахъ и что въ ту же минуту онъ дѣлалъ нужныя ему замѣтки и извлеченія. «Надо удивляться,---говорить одинъ близко знавшій покойнаго Преосвященнаго:—надо удивляться его неутомимой дѣятельности. Онъ не ложился иначе спать, какъ при двухъ горящихъ свѣчахъ. Ночью онъ часто пробуждался, бралъ свѣчу, шелъ въ библіотеку, доставалъ книгу или рукопись и садился работать. Такихъ занятій, какъ видно, онъ не отлагалъ на утро; даже и во время сна его занимала какая либо умственная задача». (*) Этимъ отчасти объясняется изумительно-быстрая производительность этого многоталантливаго трудолюбца. Говоримъ «отчасти», потому-что не можемъ же не признать въ немъ другой, внутренней силы—яркаго энергическаго желанія за все взяться, во всемъ явиться если не первоначинателемъ, то успѣть больше прочихъ, во всемъ оставить по себѣ широкій слѣдъ, добрую память. Съ теченіемъ времени, у него не было уже спеціальной задачи, опредѣленнаго вопроса, рѣшеніе котораго заняло бы его исключительно; дѣйствовать на сценѣ обширной стало его завѣтною думой. Его не смущали ни огромные размѣры поприща, ни разнообразіе предметовъ, ни недостатокъ многихъ необходимыхъ данныхъ и источниковъ. Нисколько не задумываясь предъ трудностями,

(*) См. «Вѣсть» 1866 г., № 68, сентября 1, стр. 3, «Некрологъ».

онъ отважно погружался въ начатое дѣло; быстро освоивался съ его фактической обстановкой и въ увлеченіи спѣшилъ извлекать изъ него сжатые, рѣшительные выводы. Послѣ этого неудивительно, что, при его огромной начитанности, при быстрой его работѣ, разнороднѣйшія книги, статьи являлись одна за другою на свѣтъ Божій. Разнообразіе это наиболѣе замѣтно въ послѣдніе 10 лѣтъ его жизни, когда ужь, казалось бы, можно было человѣку почувствовать утомленіе. Онъ его не зналъ вовсе. Немощи тѣлесныя нисколько не осиливали его духа. — Переѣзды его съ епархіи на епархію были для него новымъ толчкомъ къ новой дѣятельности. На новомъ мѣстѣ онъ словно чуялъ въ себѣ новыя силы. Немедленно оглядывалъ онъ поле для своихъ литературныхъ работъ, быстро усматривалъ невоздѣланные углы и тотчасъ рѣшалъ, что ему нужно дѣлать, за что прежде всего взяться. Понятно, что такихъ пробѣловъ открывалось довольно, и онъ брался за все разомъ. Съ 1860 годовъ замѣчаемъ въ немъ особенно усиленное вниманіе къ крупнымъ явленіямъ жизни и движенію современной мысли, и тутъ онъ спѣшитъ сказать свое отрывистое, смѣлое слово. Глядя на эту кипучую, на все бросающуюся дѣятельность, готовъ думать, что ему во всемъ хотѣлось дѣйствовать одному. А между-тѣмъ и обстоятельства приводили его къ этому. Онъ не только для себя опредѣлялъ кругъ занятій, но указывалъ и другимъ на то дѣло, для котораго, по его мнѣнію, настало время. Онъ заботился, чтобы извѣстный трудъ былъ совершенъ какъ можно успѣшнѣе и для этого указывалъ, какъ раздробить работу, гдѣ соединить силы. Но видя, что совѣты его принимаются равнодушно, видя, что жатва многа, а дѣлателей мало, и что одни изъ нихъ занимаются ученою роскошью, другіе погрузились

въ епархіальное управленіе, третьи—просто-на-просто облѣнились, а дѣло остается не тронутымъ, и наконецъ, сознавая, можетъ быть, про себя, что почти всѣ дѣятели много уступаютъ ему и въ свѣдѣніяхъ, и въ дарованіяхъ, и въ любви къ труду, онъ смѣло бралъ на себя ту работу, для исполненія которой нужны были усиленные труды десятка лицъ. При этомъ невольно вспоминается одно крупное обстоятельство, подтверждающее наше послѣднее предположеніе. Именно, при своей стремительной и гибкой натурѣ, онъ довѣрялся исключительно своему огромному запасу силъ и не всегда оказывалъ должное вниманіе къ чужому голосу, чужимъ однороднымъ изслѣдованіямъ (особенно разборамъ его сочиненій), а почти всегда самъ, своимъ трудомъ, и составлялъ, и перерабатывалъ, и дополнял свои произведенія... Такимъ образомъ, два самыя дорогія сокровища ученаго—время и трудъ—не всегда у него сберегались какъ должно бы. Въ послѣдніе годы его жизни, физическія силы его ослабѣли до того, что онъ не могъ писать сидя,—онъ не остановился предъ этимъ: онъ началъ писать лежа, дрожащею рукою... Вслѣдствіе этого ослабленія тѣла, вслѣдствіе этихъ смѣлыхъ надеждъ на свои свѣдѣнія и вслѣдствіе спѣшной работы, въ трудахъ его появлялось нѣсколько упущеній и неточностей, и любому кропотливому изыскателю можно было уловить эти промахи. Но зато едва ли кому можно было сравниться съ нимъ въ способности опускаться въ глубину дѣла---кратко и рѣзко обозначить сущность предмета, ярко и мѣтко опредѣлить значеніе писателя. Свѣжестью вѣяло, правдою било отъ иныхъ его изслѣдованій, точнѣе—отъ многихъ и многихъ страницъ. Въ этомъ случаѣ, самый языкъ его, обыкновенно сухой и неясный, получалъ неотразимую силу, жизненность и счастливую своеобраз-

ность. Гибкая находчивость его способна была уловить тончайшіе оттѣнки выраженія, чтобы ярче выставить на видь особенности предмета или лица. Въ своихъ приговорахъ онъ не любилъ тратить словъ и всегда выражался отрывисто и сильно, смѣло и увѣренно. Трудно было на первыхъ порахъ примириться съ этимъ свойствомъ его приговоровъ, тѣмъ болѣе, что они часто не подкрѣплялись доказательствами, выписками, а произносились голословно; но критическая сила автора и его начитанность заставляли потомъ вѣрить такимъ его сжатымъ приговорамъ, хотя они и напоминаютъ собою резолюціи. Дѣйствительно, онъ всегда велъ свою рѣчь, какъ власть имѣющій. Нельзя, однако, не вспомнить, что приговоры его иногда отзывались неумолимою суровостію, а въ судѣ о дѣятеляхъ древняго періода---нерѣдко и неточностію. Здѣсь видимъ, что онъ судитъ иногда по первому впечатлѣнію, самоувѣренно уклоняясь отъ болѣе внимательныхъ изысканій. Въ этомъ случаѣ взгляды и выводы его нуждаются по временамъ въ пересмотрѣ и повѣркѣ.

Въ литературѣ нашей, всякій разъ, чуть только заходила рѣчь о Преосв. Филаретѣ, можно было встрѣтить довольно любопытное признаніе, что труды его все еще остаются не вполне оцѣнены нашею духовною критикою. Дѣйствительно, такъ. Отчего-же это? Мы не рискуемъ ошибиться, если скажемъ, что главными причинами такого явленія были слѣдующія: 1) для своей оцѣнки, труды его требовали свѣдѣній, по крайней мѣрѣ, такихъ же, какими обладалъ онъ, а подобныхъ лицъ у насъ—немного; 2) крайняя бѣдность духовныхъ періодическихъ изданій у насъ, даже до 1860 года, гдѣ бы можно было помѣщать разборы его сочиненій, и въ 3) самая критика духовныхъ произведеній, особенно произведеній высоко-поставленнаго лица, долго казалась

намъ какимъ-то щекотливымъ дѣломъ, долго не была у насъ въ ходу. Отсутствие-ли преданій, страхъ-ли оскорбить достоинство святителя, или что другое—удерживали критику нашу отъ такого шага, какъ-бы онъ ни былъ честенъ и серьезенъ. И вполне справедливо замѣтилъ въ 1862 г. «Духовный Вѣстникъ», что критика въ духовной журналистикѣ еще такое молодое дитя, которое, Богъ знаетъ, когда выростетъ. «Духовный Вѣстникъ» первый повелъ открытую, смѣлую рѣчь о сочиненіяхъ Преосвящ. Филарета, рѣчь, основанную на трудолюбивомъ изученіи ихъ. И что же? На эту критику многіе и очень многіе взглянули съ изумленіемъ, дивясь ея смѣлости и выдумывая закулисные намеки; а дѣльности ея отдали справедливость очень немногіе. Оставимъ въ сторонѣ, какъ недостойныя сплетни, за-таенныя догадки, почему явилась подобная критика въ Харьковскомъ журналѣ; обратимъ вниманіе только на то, что было высказано по поводу содержанія этой критики. Въ какой степени показалась нова и смѣла ея попытка, можно видѣть изъ того, что даже ученая редакція «Православнаго Обозрѣнія» поспѣшила довести до общаго свѣдѣнія, что критика Духовн. Вѣстника на Преосв. Филарета напоминаетъ отвагу Мосъки противъ Слона. Въ публикѣ, сколько мы знаемъ, нашлось немного голосовъ за эти статьи; а большинство ея, знакомое по слуху съ трудами Преосвящ. Филарета, было озадачено отчасти смѣлостью тона критики, отчасти—слишкомъ невысокимъ мнѣніемъ ея о достоинствѣ трудовъ давно и громко извѣстнаго автора. Самого Преосвящ. Филарета сильно задѣли эти статьи: много разъ, и въ своихъ предисловіяхъ, и въ своихъ сочиненіяхъ, онъ скорбно жалуется на рѣзкость и односторонность приговоровъ о его произведеніяхъ и, не любя оставаться

въ долгу, направляетъ въ лица, допустившія подобныя приговоры, свои тяжелыя, раздраженныя укоры и насмѣшки. Мы охотно соглашаемся, что духъ придирчивости и осмѣянія дѣйствительно сказывается въ статьяхъ «Духовн. Вѣстника» о книгахъ Преосв. Филарета; но эти свойства можно было съ избыткомъ найти... напр. хотъ въ «Чернигов. Епарх. Извѣстіяхъ», гдѣ извѣстныхъ литераторовъ ставили въ ряды дураковъ (*) и—какъ мы уже видѣли—въ «Православн. Обзорѣніи», гдѣ обзывали честныхъ тружениковъ «москьями». Значить, нечего сваливать вину за это печальное нестроеніе рѣчи на одинъ «Духовн. Вѣстникъ»... Время это прошло, и теперь, судя спокойно, говоримъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что критика «Духовнаго Вѣстника», по своему *содержанію*, права во многомъ: пробѣлы, разнородныя промахи въ сочиненіяхъ Преосвящ. Филарета были указаны въ ней съ такою убѣдительностію, что самъ Преосв. Филаретъ послѣшилъ признать нѣкоторыя изъ нихъ и отчасти воспользоваться трудами критики. Но преобладающій *тонъ* этой критики, ея *изложеніе*, далеко не чуждыя прицѣпокъ и придирокъ, могли бы быть въ самомъ дѣлѣ значительно смягчены: Въ нѣкоторое объясненіе этого тона, можно сказать только то, что человѣку, съ любовью занявшемуся своимъ дѣломъ, трудно уберечься отъ пылкости рѣчи, если онъ встрѣчаетъ въ разбираемой книгѣ много поводовъ къ тому, и особенно, если книга принадлежитъ лицу, которое, по своей обстановкѣ, не должно было бы допустить въ ней рѣзкихъ недостатковъ: кому дано много, съ того много и взыскивается. Этимъ мы объясняемъ только, но отнюдь не оправдываемъ задирательнаго тона указанныхъ крити-

---

(*) Черниг. Епарх. Извѣстія 1862 г., № 1, стр. 15, статья 2.

ческих статей. Въ вину этой критикѣ ставятъ еще то, что она останавливалась исключительно на темныхъ сторонахъ трудовъ Преосв. Филарета. Но это допущено было въ ней сколько въ интересѣ науки, столько и потому, что хвалебныхъ рѣчей уже наговорено было ему довольно, хотя часто и бездоказательно. И въ результатѣ выходитъ то, что лицу, которое возьмется за разборъ сочиненій Преосв. Филарета, нельзя будетъ обойти критическихъ статей объ нихъ «Духовн. Вѣстника»: ихъ полемическій характеръ легко устранить, а затѣмъ много полезныхъ матеріаловъ найдетъ въ нихъ для себя будущій критикъ (разумѣемъ преимущественно статьи г. Сербинова). Да! что бы ни говорили объ этихъ статьяхъ «Духовн. Вѣстника», все-таки нельзя не выразить благодарности за нихъ редакціи этого журнала и лицамъ, отъ которыхъ зависѣло появленіе критическихъ статей его въ печати.

Показавъ такимъ образомъ, хотя въ сжатыхъ чертахъ, историческій ходъ литературной дѣятельности Преосв. Филарета, мы думаемъ, что все, доселѣ сказанное нами, позволяетъ намъ сдѣлать общее заключеніе о причинахъ, способствовавшихъ развитію его обильной дѣятельности и о значеніи ея. И сколько мы знаемъ, такое заключеніе принадлежитъ большинству лицъ, знакомыхъ не по наслышкѣ съ трудами Преосв. Филарета.

И такъ, громадныя дарованія, вооруженныя глубокою ученостію, всегдашній трудъ, проникнутый увлеченіемъ, вѣчно-производительное чтеніе, кипучая жажда научной дѣятельности, стремительная отвага во все проникнуть, лаконическая сжатость выводовъ, неослабное вниманіе ко многимъ движеніямъ современной мысли и (кто упрекнетъ его за это?) жажда приобрѣсть себѣ *имя доброе*--- вотъ что произвело то обиліе работъ, во-

торое такъ изумляетъ насъ. Но вслѣдствіе научныхъ обстоятельствъ времени, вслѣдствіе жизненной обстановки его, вслѣдствіе разнородной массы работъ и спѣшнаго характера дѣятельности, во многихъ сочиненіяхъ его, при необыкновенной ширинѣ и раскинутости [ихъ поля, не видишь строго обдуманнаго плана, не встрѣчаешь полнаго рѣшенія задачи, сообразно современнымъ требованіямъ науки; такъ что почти всѣ сочиненія его представляютъ собою по преимуществу *материалы*, счастливо собранные и удачно сгруппированные. И въ этомъ отношеніи, значеніе его чрезвычайно велико: во многихъ областяхъ духовной науки, безъ книгъ его, нельзя и шагу ступить. Труды его, какъ богатѣйшая организованная масса матеріаловъ, какъ пособія для дальнѣйшаго дѣланія, составляютъ обильный, драгоценный и незамѣнимый владѣ въ сокровищницу духовной литературы.

Такимъ-же по преимуществу сборникомъ полезныхъ матеріаловъ являются и «Черниговскія Епархіальныя Извѣстія», которыя онъ создалъ, въ которыхъ онъ принималъ непрерывное, самое широкое участіе, въ теченіе пяти лѣтъ и своими трудами доставилъ имъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій. Ими, впрочемъ, не столько дорожила масса публики, сколько ученый труженикъ, да и тотъ, взглянувъ на содержаніе иного нумера, думалъ про себя: «а! хорошо: вотъ будетъ случай,--обращусь за справкой».

Нѣсколько трудовъ Преосвящ. Филарета еще продолжаютъ, а иные только что начаты въ «Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ». Какъ бы хотѣлось поскорѣе знать, что ужь окончено въ рукописи и будутъ ли изданы отдѣлнотруды его, разбросанные въ «Извѣстіяхъ»? (*) Желалось

(*) Газеты донесли къ намъ вѣсть, что вся библіотека

бы, чтобы были изданы не только важнѣйшія его сочиненія (каковы: «Описаніе Черниговской епархіи» вполнѣ, «Замѣтки о Священномъ Писаніи», «Объясненіе на Евангелиста Іоанна» и другія); но чтобы не забыты были и его библиографическія статьи, журнальныя отмѣтки и отголоски на современныя явленія (разумѣемъ такіе отголоски и на такія явленія, которыя не потеряли и доселѣ своего значенія; соединенныя по роду содержанія, статьи его явились бы связнымъ очеркомъ нѣкоторыхъ явленій минувшаго и остались бы памятникомъ многосторонней зоркости и чуткости Преосвящ. Владыки къ разнымъ движеніямъ нашего времени). Если въ свѣтской литературѣ дорожатъ всякой мелкой рецензіей даровитаго критика, до того даже, что перепечатываютъ ее въ собраніи сочиненій его; то, уже по одному закону справедливости, подобная доля должна постигнуть и критическія замѣтки такого автора, какъ Преосвящ. Филаретъ. Но нами руководить здѣсь не авторитетъ его имени, а сущность самихъ статей его: оцѣнить достоинства книги, указать ея слабыя стороны, произнести мѣткое заключеніе и выразиться языкомъ живымъ, сжатымъ и бойкимъ---во всемъ этомъ Преосвящ. Филаретъ являлся истиннымъ мастеромъ. Всякій, кто хочетъ получить о разобранныхъ имъ книгахъ яркое и точное понятіе, необходимо долженъ прочесть его отзывы. Жаль, Преосв. Филарета, всѣ его рукописи завѣщаны имъ въ пользу Черниг. Семинаріи; надѣемся, что редакція Черниг. Епарх. Извѣстій не замедлитъ напечатать каталогъ этихъ сокровищъ: между ними должно быть много рѣдкаго, чрезвычайно - замѣчательнаго. Думаемъ такъ, между прочимъ, на основаніи подаренной имъ семинаріи въ 1866 году книги: «*Regum Moskoviticarum auctores varii... etc. Francofurti. M. D. C.*» (см. Черн. Епарх. Извѣстія 1866 г., № 10, часть офиц., стр., 164.)

что мало оказалось книгъ, удостоившихся его разбора. Въ библиографіи его же встрѣчаемъ длинный рядъ статей по поводу «Обзоровъ русской духовной литературы». Понятно, что всѣ эти статьи вовсе не разборъ книгъ, принадлежащихъ ему же самому, а рядъ дополненій и перемѣнъ, иногда чрезвычайно значительныхъ. Дополненія, относящіяся къ 1-й части «Обзора», составляютъ болѣе 170 страницъ, дополненія ко 2-й части—болѣе 100 стр. Крайне сожалѣемъ, что смерть помѣшала Владыкѣ издать обѣ части «Обзора» новымъ, исправленнымъ и значительно-дополненнымъ изданіемъ. Кто возмется за подобный трудъ послѣ него? Хоть бы нашелся скромный труженикъ, который рѣшился бы вставить и слить матеріалы, уже приготовленные Владыкою. (*)

Много труда и времени посвятилъ онъ подробнѣйшему описанію епархіи своей. Здѣсь, не ограничиваясь личнымъ трудомъ, онъ искалъ содѣйствія другихъ: еще въ мартѣ 1863 года разсланы были чрезъ благочинныхъ во всѣ церкви Черниговской епархіи экземпляры программы для описанія села или мѣстечка, съ тѣмъ, что если кто изъ священниковъ приготовитъ описаніе по программѣ, тотъ доставлялъ бы оное немедленно къ Преосвященному. Такимъ образомъ, Владыка, трудясь самъ неутомимо, училъ и другихъ трудиться по его указаніямъ. Вѣроятно, голосъ его не въ пустынь раздался:

(*) Въ дополненіе къ собранному имъ запасу, мы охотно изъявляемъ желаніе принести съ своей стороны небольшую долю поправокъ и дополненій ко 2-й части «Обзора», какъ напечатанныхъ, такъ и еще не бывшихъ въ печати. Предлагаемъ наше желаніе вниманію редакціи «Черниговск. Епарх. Извѣстій» и надѣемся, что она, изъ уваженія къ памяти Преосвящ. Владыки, дастъ мѣсто нашимъ замѣткамъ на страницахъ своего изданія.

въ послѣдніе годы рѣдкій номеръ «Чернигов. Епарх. Извѣстій» обходился безъ статей о разныхъ мѣстностяхъ обширной епархіи. Были статьи о ней и въ другихъ изданіяхъ, какъ видно изъ нашего списка. Желательно, чтобы издано было хоть то, что осталось.

Наконецъ, нечего, разумѣется, и говорить о томъ, что литературные труды его и вся его дѣятельность всегда были пронянуты у него ревностію о чистотѣ православія. Достаточно вспомнить, какъ онъ оберегалъ школы отъ незваныхъ педагоговъ! Какъ зорко слѣдилъ за книгами, изданными для народа! (*) Какъ энергически возстаетъ онъ въ своей догматикѣ противъ дерзающихъ колебать святость вѣры!.. Люди близко знавшіе его передадутъ, конечно, много трогательныхъ фактовъ тому, какъ радовался Владыка всякому проявленію добра и уваженія къ тѣмъ началамъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась жизнь наша. (**)

Такимъ является намъ Преосвящ. Филаретъ въ своихъ трудахъ по распространенію народнаго образованія

(*) См. его отношеніе къ г. Оберъ-Прокурору Св. Синода о книгѣ А. Суворина: «Бояринъ Матвѣевъ» М. 1864 года (Черниг. Епарх. Извѣстія, часть неофиц. 1866 г. № 14, стр. 254—256).

(**) О жизни и служебной дѣятельности Преосвящ. Владыки мы нигдѣ не встрѣчали никакихъ свѣдѣній, исключая нѣсколько словъ о его ректорствѣ въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Московской Духовной Академіи», М. 1864 г., да въ статьѣ: «объ открытіи въ Харьковѣ училища для дѣвицъ духовнаго званія» (Харьк. Губ. Вѣд. 1856 г., ч. неофиц. № 36) объ его участіи въ этомъ дѣлѣ.

Портреты его, изданные при сочиненіяхъ, указаны нами въ хронологическомъ спискѣ. Не знаемъ, былъ ли портр-

и въ литературной дѣятельности. Вотъ почему наши журналы, наше Общество Исторіи и Древностей, наша Академія Наукъ и всѣ любители духовной литературы (не говоримъ ужь о заведеніяхъ и лицахъ духовныхъ) признавали въ немъ ученаго дѣятеля, давно уже снискавшаго себѣ заслуженную и почетную извѣстность. Вотъ почему Св. Синодъ почтилъ его степенью Доктора Богословія. Вотъ почему Государь Императоръ, въ рескриптѣ своемъ Преосвященному, выразилъ, что ученые труды его составляютъ украшеніе духовной отечественной письменности. И вотъ почему мы нынѣ искренно оплакиваемъ кончину Высокопреосвященнаго Владыки!.. Да! дѣйствительно, потеря его, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе будетъ чувствуема многими!..

Еще такъ недавно слышали мы много добрыхъ вѣстей, отъ пріѣзжавшихъ изъ Чернигова, объ отеческой добротѣ и внимательности почившаго Святителя; еще такъ недавно ученые спеціалисты, посѣщавшіе его въ Черниговѣ, отзывались намъ съ истиннымъ уваженіемъ и изумленіемъ о многостороннихъ и глубокихъ свѣдѣніяхъ Преосвященнаго... И вотъ, вдругъ прервалась эта жизнь, такая дѣятельная, такая многоплодная, такъ много еще обѣщавшая добраго Церкви и просвѣщенію Россіи... Но—слава Богу за все! Пастырь скончался, исполнь многа и блага; пастырь скончался среди самаго подвига пастырскаго, обзрѣвая крайній предѣлъ своей обширной епархіи; пастырь скончался, помянувъ портретъ его въ извѣстномъ изданіи Мюнстера: «Портретная галерея русскихъ дѣятелей» и въ изданіи г. Красовскаго: «Портреты духовныхъ лицъ». Въ Харьковской Семинаріи мы видѣли превосходный поясной портретъ его, въ натуральную величину, писанный масляными красками и необыкновенно похожій.

благоговѣрно, предъ концомъ своей жизни, всѣхъ русскихъ святыхъ (*) и исповѣдавъ православную вѣру вслухъ всея церкви Россійской (***) и въ книгѣ своей оставивъ намъ какъ бы предсмертный завѣтъ---во что вѣровать, какъ вѣровать и какъ отражать нападенія на вѣру...

Вѣрный до конца, прости и помолися о насъ, Владыко Святый!

Напечатанные доселѣ некрологи Преосв. Филарета, выражая единодушное соболѣзнованіе о кончинѣ его, говорятъ большею частію о его значеніи въ іерархическомъ и литературномъ отношеніи ***); а объ его послѣднихъ дняхъ жизни, о его посмертномъ шествіи отъ края до края епархіи, что всего интереснѣе и новѣе было бы для чтущихъ его память, мы почти нигдѣ ничего не нашли. Только отрывки изъ частныхъ писемъ, напечатанные нами въ Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ, сообщили нѣчто о печальныхъ обстоятельствахъ его кончины. «Черн. Епарх. Извѣстія» что-то запоздали. Вотъ почему, въ дополненіе къ некрологу Преосв. Филарета, помещенному въ 16 № «Полтавскихъ Епарх. Вѣдомостей», сообщаемъ отрывки изъ писемъ и разсказовъ очевид-

(*) См. трудъ его «Русскіе Святые», 12 мѣсяцевъ. Ч. 1861—1865 г.

(**) Его «Православное Догматическое Богословіе». 2 тома. Ч. 1864—1866 г.

*** Современный Листокъ 1866, №. Голосъ № 228; Св. вери Почта № 179; Вѣсть № 68; Душеполезное Чтеніе № 9.

цевъ и участниковъ грустнаго событія. Въ этихъ отрывкахъ, между прочимъ, почившій святитель даетъ намъ не одинъ поучительный урокъ изъ-за могилы.

7 августа Преосвященный Владыка освящалъ, въ послѣдній разъ, храмъ въ селеніи Фастовцы (Борзенскаго уѣзда). Во время литургіи и особенно при освященіи св. даровъ, онъ сильно плавалъ; но никто, конечно, не понималъ причины этихъ слезъ. Послѣ освященія и обѣда, одинъ изъ основателей церкви испрашивалъ у Владыки благословенія — приобрести новый колоколъ, побольше стараго. Владыка поцѣловалъ и его и священника въ голову и сказалъ: «Колоколъ и настоящій со-
«бираетъ вѣрныхъ на молитву; такъ вмѣсто новаго колокола лучше будетъ жертва Богу, если перенесется вашъ старый храмъ на кладбище. Намъ, старикъ, съ тобой не долго жить, — такъ вотъ и для насъ и для другихъ будетъ полезнѣе, какъ будетъ церковь на кладбищѣ». Оттуда Владыка поѣхалъ въ деревню Качановку (того же уѣзда), гдѣ и переночевалъ въ домѣ помѣщика. Никогда не ужинавши, онъ здѣсь съ аппетитомъ покушалъ. На другой день, въ 8 часовъ утра, выѣхалъ въ деревню Рубанку (Конотопскаго уѣзда), гдѣ былъ до часу. Позавтракавъ здѣсь, отправился въ Конотопъ, куда и пріѣхалъ того же 8 числа, въ шесть часовъ вечера. Посѣтивъ прежде всего Успенскую церковь, онъ уже тамъ почувствовалъ въ себѣ такую елабость, что сказалъ: «отдохну я у васъ» и сѣлъ на поданномъ ему стулѣ. Ему подносили церковныя книги для разсмотрѣнія, но онъ взглянулъ на нихъ наскоро. Затѣмъ, посѣтивъ соборную церковь, оставался въ ней такъ-же не долго. Люди, которые успѣли подойти къ нему за благословеніемъ, замѣтили, что руки его холодны какъ ледъ; веселости и кроткой улыбки, съ какою обыкновенно

встрѣчалъ архипастырь свою паству, на этотъ разъ у него ни малѣйшей не было. Изъ соборной церкви онъ снѣжно отправился на квартиру, въ домъ градскаго протоіерея и благочиннаго, о. Стефана Ивашутича. Вскорѣ послѣ пріѣзда попросилъ чаю и покоя. Но еще не пивши чаю, онъ слегъ, крайне ослабѣвшій: болѣзнь уже начала развиваться. Немедленно послали за докторомъ; приняты были всѣ необходимыя мѣры; но болѣзнь не уступала, свирѣпѣла. Ни припарки, ни растиранья, ни лѣкарства, ни всѣ усилія доктора, ничто не могло пособить. Докторъ удивлялся терпѣнію Владыки, какъ онъ кротко переносилъ болѣзнь; все только головой качаетъ, да изрѣдка скажетъ: «докторъ, помогите мнѣ, помогите: худо мнѣ, худо!» Но вообще во все время говорилъ очень мало и тихо, особеннаго ничего никому не сказалъ, а все крестился и молился. Если хотѣлось ему пить, онъ только рукой сдѣлаетъ знакъ, укажетъ на ледъ, набитый кусочками. Въ 12 часу ночи послали еще за другимъ докторомъ, но уже, кажется, самъ Владыка признавалъ свое безнадежное положеніе. Въ 1 часу онъ самъ подозвалъ бывшего при немъ настоятеля Крупицкаго монастыря, архимандрита Августина и сказалъ ему: «поисповѣдывай меня». Отецъ протоіерей Ивашутичъ спросилъ доктора о положеніи Владыки, тотъ сказалъ: худо! Долго собирался съ духомъ о. протоіерей, чтобы предложить Владыкѣ соборованіе масломъ, потомъ рѣшился и сказалъ. Владыка отвѣчалъ: «дѣлайте что нужно; скорѣй, скорѣй, скорѣй! мнѣ худо... А вы, докторъ, продолжайте онъ, будьте тутъ». И все крестится, все молится. А по временамъ жаль руку доктора, за плечо бралъ, просилъ воды у него, — и тотъ неотлучно стоялъ при немъ и давалъ ему глотать ледъ. Въ два часа ночи начали соборова-

ніе его масломъ; но уже за чтеніемъ седьмага Евангелія, начались предсмертныя страданія; въ пятомъ часу утра прочитали отходную, а въ пять часовъ Владыка испустилъ послѣднее дыханіе. 12 разъ прозвучалъ колоколь въ церкви успенской и соборной. На другой день, въ среду 10 числа, тѣло его вынесли въ соборъ. Въ субботу, 13 числа, пріѣхалъ изъ Чернигова чиновникъ съ предписаніемъ архимандриту Августину и исправнику—проводить тѣло Преосвященнаго съ должными почестями, пѣніемъ и духовенствомъ, по всей дорогѣ до Чернигова, перемѣняя духовенство. Въ субботу былъ закрытъ гробъ Владыки: только на пятый день послѣ кончины замѣчено было небольшое разложеніе, а до того народъ непрерывно, то-и-дѣло что прощался съ нимъ. 14-го, въ воскресенье, отслужена была въ соборѣ литургія; на панихиду собралось духовенство изъ Уѣзда; послѣ панихиды и прощальнаго надгробнаго слова, сказаннаго о. протоіереемъ Ивашутичемъ, гробъ Владыки вынесли изъ церкви. Небольшой гробикъ его (извѣстно, что Владыка былъ очень малаго роста) былъ обить бѣлымъ глазетомъ и золотымъ позументомъ, съ кистями. Опустили его въ другой приготовленный большой гробъ, обитый желѣзомъ и забили гвоздями. Сверху гробъ былъ покрытъ чорнымъ сукномъ, обшитымъ бѣлымъ позументомъ. Четыре діакона стали по бокамъ гроба, на дрогахъ, два со свѣчами, два съ рипидами; тихо тронулась печальная колесница, а священники запѣли: « *Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе* » и другія пѣсни великопостнаго канона. Дорога была полита водой, устлана лепехой; по бокамъ поставлены сосновыя деревца, отъ собора и до самой кладбищенской церкви. А вокругъ—необозримая толпа народа! Въ это время въ Конотопѣ была успенская ярмар-

ка; изъ опасенія холеры, она была выведена за городъ; но народъ бросилъ ярмарку и бѣжалъ къ послѣднему провожанію добраго архіерея. За двѣ и за три версты провожали люди за городъ тѣло Преосвященнаго и одинъ за другимъ говорили ему: «прости, Владыко! прости, прости!» На четвертый день пути, въ среду, 17 числа, привезли тѣло подъ Черниговъ, въ селеніе Горбовъ, гдѣ тѣло ночевало во храмѣ. Въ четвергъ, въ 10 часовъ, на рѣвѣ Деснѣ тѣло Преосвященнаго было встрѣчено викаріемъ Кіевской митрополіи, епископомъ Порфириемъ, губернаторомъ и, можетъ быть, сотней духовенства. У всѣхъ въ рукахъ зеленыя свѣчи; на всѣхъ — трауръ. Почести были оказаны, какъ только можно было лучше. Когда тѣло Владыки свезли съ моста подъ Черниговомъ, его встрѣтили воспитанники гимназіи, семинаріи, дѣвичьяго духовнаго училища, сиротскаго дома и др. учебн. заведеній. И, Боже! какъ плакали дѣти! Гробъ былъ ввезенъ въ городъ людьми усердными къ усопшему. Не говоримъ ужъ о церемоніи поѣзда, о торжественномъ порядкѣ, особенно вокругъ гроба. Въ соборѣ, куда было привезено тѣло, сейчасъ же отпѣли панихиду. На другой день, въ пятницу, 19 числа, послѣ литургіи, отпѣванія и слова, въ томъ же торжественномъ порядкѣ шествіе двинулось на мѣсто погребенія, въ Ильинскій монастырь, гдѣ наконецъ тѣло Преосвящ. Архіепископа Филарета и опущено въ могилу, въ соборной церкви. Тамъ до сего времени покоился прахъ только двухъ епископовъ - Преосвященныхъ Ираклія и Виктора.....

Покой, Господи, душу раба твоего.

26 Сентября, 1866 г.

Полтава.

С. Пономаревъ.

КРИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА И АПОСТОЛЫ.

По поводу послѣдняго сочиненія Ренана.

(Статья Эдмонда де-Прессансе.)¹

Новая книга г. Ренана не преминетъ доставить великое удовольствіе почитателямъ сочиненія его „Жизнь Іисуса.“ Всѣ тѣ, которые хотѣли бы покончить съ христіанствомъ и не слишкомъ разборчивы въ средствахъ для того, провозгласятъ, что второй томъ романа г. Ренана побѣдоносенъ и что предъ такимъ знаніемъ необходимо положить оружіе. Въ сущности то они будутъ немного смущены и про себя повторятъ тоже, что мы слышали отъ одного изъ корифеевъ свободномыслія: „Это не слишкомъ сильно, но все таки прокладываетъ дорогу другимъ. Хотя Шатобріановъ „Геній христіанства“ не отличался особенною силою мысли, тѣмъ не менѣе онъ принесть пользу религіозной реакціи. Отчего же противоположная реакція не можетъ удовольствоваться началомъ, подобнымъ книгѣ Ренана?“ „Апостолы“ Ренана поддержать такое несовсѣмъ выгодное впечатлѣніе не потому, чтобы талантъ автора упалъ, ибо мы могли бы указать на нѣсколько весьма удачныхъ и вѣрныхъ картинъ востока. Искусство переносить мысль изъ нынѣш-

---

¹ Изъ журнала *Revue Chretienne* за май и іюнь 1866 года.

ного времени въ давнопрошедшее—у него встрѣчается на каждомъ шагу. Г. Ренанъ остается мастеромъ выражаться утонченно и щеголевато: онъ опять расточаетъ красоты языка, прелести выраженія, всѣ эти граціи, которыя ему такъ нравятся, но которыя, по мѣрѣ повторенія, все менѣе и менѣе нравятся серьезнымъ читателямъ.

Съ литературной точки зрѣнія, книга г. Ренана хороша въ своемъ родѣ, но впадаетъ въ манерность. Мужественныя красоты слога все болѣе и болѣе ему измѣняются; онъ предпочитаетъ имъ какую то подкрашенную красоту, отчасти эффектную, правда, но и достаточно прискучивающую. Конечно, всѣмъ вопросамъ, которыхъ касается, онъ сообщаетъ много интереса, но приемы его однообразны. Когда г. Ренанъ въ первый разъ употребилъ эти приемы, въ отношеніи къ святѣйшему вопросу, — всеобщее удивленіе было велико, и онъ умѣлъ гордиться потрясеніемъ, произведеннымъ этою, новаго рода, неприличностію которой придадо видъ какого то откровенія или помазанія. Впрочемъ, онъ долженъ былъ рассчитывать на громкій успѣхъ, ибо въ лицѣ Іисуса Христа наносилъ ударъ религіи въ самое сердце. Теперь же онъ не имѣетъ этого печальнаго преимущества; онъ не нашелъ сказать ничего новаго и потому его второй очеркъ блѣднѣе перваго. Онъ даже не успѣлъ избѣжать весьма скучныхъ повтореній; мы опять встрѣчаемъ, и опять въ прежнихъ выраженіяхъ, его *сис т л и в у ю* мысль потребовать отъ сверхъумственнаго такой же апробаціи, какъ бы отъ тор-

говца клейменымъ пробнымъ товаромъ; онъ опять изливаетъ свое высококомѣрное презрѣніе на тѣхъ, кому не нравится его стремленіе представить Христа Спасителя въ видѣ милаго раввина и къ такимъ людямъ онъ прилагаетъ слова Іоанна Гусса, сказанныя женщиной, принесшей вязанку дровъ на его костеръ. Правда, мы не встрѣчаемъ болѣе комической сцены воскресенія Лазаря, но за то г. Ренанъ научаетъ насъ какое вліяніе имѣлъ порывъ бури въ день пятидесятницы на устройство церкви. Мы еще воротимся къ тѣмъ удивительно страннымъ объясненіямъ первыхъ торжествъ христіанства, которыя дѣлаетъ г. Ренанъ. Мы только хотѣли показать, до какой степени авторъ вѣренъ своему прежнему методу. Онъ на собственномъ опытѣ дознаетъ правду пословицы: не надобно повторяться. Изъ этого мы исключаемъ только двѣ главы, весьма замѣчательныя: главу о религіозномъ законодательствѣ Рима, полную любопытныхъ подробностей, и большой отрывокъ о состояніи языческаго міра въ половинѣ перваго вѣка, которой впрочемъ мы не можемъ оставить безъ многихъ оговорокъ. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ своего труда, г. Ренанъ успѣлъ только подкрасить въ ложно изнѣженномъ и слѣдовательно въ извращенномъ видѣ грандіозное прошедшее христіанской церкви. Его обыкновенный пріемъ въ томъ и состоитъ, чтобы, подкрашивая, унижать то, что само по себѣ велико. Примѣняя этотъ пріемъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, онъ нарушаетъ истинныя условія искусства, ибо цвѣтущая роза на су-

ровомъ и строгомъ челѣ производитъ странное впечатлѣніе: контрастъ слишкомъ поразителенъ. Но контрастъ между живописцемъ и сюжетомъ его картины еще поразительнѣе. Авторъ задумалъ написать исторію апостоловъ. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ слѣдовало бы симпатизировать этому пламенному и чистому самопожертвованію, породившему столько великихъ христіанскихъ подвиговъ; слѣдовало бы по крайней мѣрѣ понимать, одобрять святое увлеченіе къ духовнымъ побѣдамъ. Но если къ прозелитизму чувствуютъ только презрѣніе, если его находятъ грубымъ, неразумнымъ и узкимъ, если въ сущности отвергають апостольское служеніе, то для чего изъ множества героевъ разнаго рода выбирать именно апостоловъ, чтобы ихъ изображеніями увеличить свою галерею портретовъ? Не дѣлаетъ ли это автора морально неспособнымъ къ предпринятому имъ дѣлу? Для его кисти нашлось бы столько другихъ предметовъ: сюжеты г. Капфига сами ложатся подъ его кисть. Онъ могъ бы вывести на сцену знаменитыхъ скептиковъ, умѣвшихъ соединить осторожность въ поступкахъ съ дерзостію мысли, при закрытыхъ дверяхъ насмѣхавшихся надъ идолами предрасудковъ, предъ которыми публично преклонялись; — людей очень умныхъ, которые, какъ и г. Ренанъ, находили, что мученичество прилично только простакамъ. Не слѣдуетъ довѣряться серьезной поэзіи. Правда г. Ренанъ утверждаетъ, что только одни скептики призваны писать исторію. Это приводитъ насъ къ предварительному вопросу, рассматриваемому авто-

ромъ въ предисловіи. Прежде знанія, нужно имѣть совѣсть: того требуетъ порядокъ. Спросимъ: что стало бы съ чистотою разсудочныхъ отношеній между людьми, если бы восторжествовали пропо- вѣдуемые Ренаномъ принципы и если бы удалось философскую ложь прочно утвердить и въ свѣтѣ и въ церквахъ? Остроумный авторъ въ предисловіи къ новой своей книгѣ возвращается къ тому лите- ратурному и философскому дилетантизму, который онъ столько разъ уже развивалъ. Въ ней нѣтъ мыслей, которыя были бы зрѣлѣе его метафизичес- кой болтовни въ брошюрѣ „Каѳедра еврейскаго язы- ка во французской Коллегіи.“ Пусть всякъ остается при своемъ, на томъ мѣстѣ, на которое поставленъ судьбой или предрасположеніемъ своего ума. Пусть всякъ по своему устраиваетъ свое внутреннее бы- тіе, хотя бы обратилъ его въ прелестный кіоскъ, изъ котораго можно было бы любоваться забав- нымъ зрѣлищемъ дѣлъ человѣческихъ, но—Боже сохрани—пусть не пробуетъ набирать себѣ сторон- никовъ своихъ мнѣній! Это не соответствовало бы высшему развитію. Первый принципъ критической школы именно въ томъ и состоитъ, что всякій въ дѣлѣ вѣры долженъ принимать только то, что ему пришлось принять. „Развѣ не безумно мѣшаться въ то, что зависитъ отъ обстоятельствъ, находя- щихся не въ нашей власти? Если кто принимаетъ наши принципы, то это потому, что имѣетъ складъ ума и воспитаніе, необходимыя для того; всѣ наши усилія не дадутъ этого склада. Что касается до меня, то я былъ бы очень огорченъ, если бы ме-

на уличили хотя въ одномъ усиліи привлечь кого
нибудь на сторону моихъ идей. Я заключилъ бы
изъ этого, что или мой умъ сбился съ свободнаго
и серьезнаго пути, или что во мнѣ что то отяже-
лѣло, ибо я уже не способенъ удовольствоваться
радостнымъ созерцаніемъ вселенной.¹ Не знаю,
найдетъ ли кто либо изъ современниковъ эту де-
кларацию удивительною и возвышенною; ибо маѣ
въ ней заключается оскорбленіе и истины и чело-
вѣчества. Нельзя съ большею ясностію провозгла-
сить, что истина не имѣетъ ни какой силы и что
человѣчество жалкимъ образомъ подчинено пред-
разсудкамъ. Если вы признаете, что истина имѣетъ
какуюнибудь силу надъ умами, зачѣмъ скрываете
подъ спудомъ факелъ, который могъ бы ихъ освѣ-
тить? Отказаться отъ распространенія своихъ мнѣ-
ній — это доказательство не превосходства, а эго-
истическаго легкомыслія, которое вовсе не рѣдкость
и не особенно похвально. И не бывши такимъ пла-
меннымъ миссіонеромъ, какъ св. Павель, можно
сказать: „горе мнѣ, аще не благовѣствую!“ Для
этого довольно только имѣть сердце и вѣчные
убѣжденія. Для доказательства довольно привести
эти благородныя слова краснорѣчиваго философа:
„Истина, говоритъ Жюль-Симонъ, подобна богат-
ству: мы только хранители ея, мы только и соби-
раемъ ее затѣмъ, чтобы раздавать. Пріобрѣсть ис-
тину — это только половина дѣла, подѣлиться ею
съ людьми — вотъ послѣдняя и благородная задача

---

¹ Введеніе, стр. LIV, LV.

и настоятельнѣйшая обязанность, связывающая самымъ сильнымъ образомъ настоящую жизнь съ будущею. Говорите, если можете возвысить голосъ. Нишите, если вамъ только это позволено. Учите на площадяхъ, а если нельзя, то въ своемъ домѣ. Лекарь принадлежитъ всѣмъ страждущимъ, а вы — всѣмъ невѣдающимъ. Богъ потребуетъ отчета въ вашей жизни, гдѣ вашъ законъ — просвѣщать вашихъ братьевъ и не исторгать ихъ изъ заблужденій. Вотъ жизнь, вотъ задача человѣка!¹ Такия чувства, я согласенъ, чрезвычайно вульгарны, точно также какъ долгъ и безкорыстная и преданная любовь. Зажечь маякъ для освѣщенія кораблямъ опаснаго пути между скалами — это низко и пошло, а прекрасно освѣтить свой салонъ для потѣхи своей и гостей своихъ — вотъ это изысканно, особенно если еще можно къ тому присоединить такъ хорошо описанное у Лукреція наслажденіе, состоящее въ томъ, чтобы любопытнымъ окомъ слѣдить за всѣми перипетіями кораблекрушенія, которому сами не подвергаемся.

Г. Ренанъ впадаетъ въ странное противорѣчіе. Онъ утверждаетъ, что не смотря на предрасудки, христіанство тѣмъ не менѣе необходимо для развитія человѣчества и что его нельзя оставить безъ того, чтобы не воротиться къ варварскимъ временамъ. Развѣ онъ забываетъ, какою цѣною религія Христова вошла въ міръ? Она распространилась не легко, какъ какой нибудь невѣсомый эфиръ или

¹ Jules Simon, la liberte de conscience P. 262.

какъ майское дуновеніе вѣтерка по землѣ. Нѣтъ, для того чтобы религія Христова, опрокинувши всѣ находившіяся на пути препятствія, могла установиться, нужно было движеніе сильное, пламенное, несокрушимое, нужна была неутомимая проповѣдь. И въ то время тоже, деликатные и просвѣщенные люди въ своихъ виллахъ мирно подшучивали надъ смѣшными заблужденіями черни, но ихъ тонкія насмѣшки не сокрушили ни одного идола. Эти мудрецы сидѣли за шегольскими столами съ драгоцѣнными кушаньями, но легче было бы соловьиные языки сдѣлать доступнымъ для бѣднаго народа кушаньемъ, чѣмъ платонической философіи изгнать фанатизмъ изъ невѣжественныхъ массъ. Безъ нѣсколькихъ рыбаковъ изъ Іудеи и Галилеи, которые громко и открыто, всѣмъ и противъ всѣхъ, говорили то, что имѣли на сердцѣ, римскій міръ задохся бы въ своемъ тгноищѣ и теперь не было бы мѣста разсужденіямъ о великомъ религіозномъ обновленіи.

Г. Ренанъ называетъ прозелитизмъ грубымъ, а мученичество еще болѣе, по его мнѣнію, обнаруживаетъ скудость умственную. Правда, критицизмъ внѣ опасности отъ тѣхъ увлеченій, которые ведутъ къ кострамъ и эшафотамъ. „Небыло мучениковъ слишкомъ умныхъ,“ говоритъ авторъ. Это была бы правда, если бы рѣчь шла объ умѣ холодномъ и презрительномъ, полагающемъ свое превосходство въ томъ, чтобы, съ тайной насмѣшкой, попирали собственныя вѣрованія и который необходимо кончаетъ скептицизмомъ. Дѣйствительно,

не стоит страдать за то, въ чемъ всѣ сомнѣваются; благоразумнѣе удовольствоваться радостнымъ созерцаніемъ вселенной. Но вѣдь нельзя же отнять права называть презрѣнною и ребяческою всю эту работу мысли, не стремящейся воспламенить сердце, — работу, которая въ концѣ концовъ не болѣе какъ блестяшій мыльный пузырь въ области гипотезы. По нашему мнѣнію, стоитъ жить только для тѣхъ идей, за которыя готовъ умереть. Жалкимъ образомъ ошибаются тѣ, которые воображаютъ, что для достиженія истины, прежде всего необходимо презирать ее, низводя ее на степень безплодной умственной забавы. Нѣтъ, истина не можетъ принадлежать скептикамъ, потому что она всегда похожа на тотъ безцѣнный бисеръ притчи, который можно приобрести только продавъ все имущество.

Г. Ренанъ не довольствуется тѣмъ, что посягаетъ надъ прозелигизмомъ: онъ проповѣдуетъ цѣлую систему умственного воздержанія. Если бы послѣдовать совѣтамъ ученаго автора, откровенность и правда на всегда исчезли бы изъ образованнаго міра; не было бы возможности довѣриться хоть одному человѣку и встрѣтить хоть одинъ открытый взглядъ. Необходимо было бы предполагать, что у каждаго подъ искусственнымъ покровомъ скрывается особая мысль. Это было бы полное господство намека и двусмысленности. Прибѣгнемъ еще къ цитатѣ, чтобы избѣжать укора въ произвольномъ обвиненіи автора. Вѣроятно, говоритъ онъ, что чрезъ сто лѣтъ численное отноше-

ніе между протестантами, католиками и евреями не измѣнится значительно. Но великая перемѣна произойдетъ, замѣтная для всѣхъ глазъ. Каждое изъ этихъ религіозныхъ семействъ будетъ имѣть два рода членовъ: однихъ вѣрующихъ буквально, подобно тому, какъ вѣровали въ средніе вѣка; другихъ пренебрегающихъ буквою закона и держащихся только духа его. — Этотъ второй сортъ, въ каждой религіи будетъ увеличиваться и такъ какъ духъ на столько соединяетъ, на сколько буква разъединяетъ, то спиритуалисты всѣхъ исповѣданій такъ возлюбятъ сближеніе, что перестанутъ думать объ соединеніи. Фанатизмъ исчезнетъ во всеобщей терпимости. Догматы сдѣлаются таинственнымъ ковчегомъ, который согласятся никогда не открывать. Если ковчегъ и пустъ, то что за бѣда? — Вы понимаете: внѣшность останется, тогда какъ сущность вѣрованій всецѣло перемѣнится. Культъ останется такимъ же какъ и былъ, только онъ потеряетъ значеніе, или смыслъ. Еврей будетъ показывать видъ, что онъ еще вѣритъ въ своего Іегову, имя котораго будетъ раздаваться по прежнему на его устахъ въ священныхъ гимнахъ синагоги, но тѣмъ не менѣе онъ бога грознаго и ветхаго денми замѣнитъ небеснымъ отцемъ трансцендентальной метафизики, удобопріемлемымъ божествомъ, которому приносятъ краснорѣчивыя мольбы, сказавши напередъ: „боже, я знаю хорошо, что ты не существуешь.“ — Католикъ будетъ преклоняться предъ св. Евхаристіей, въ которой, кромѣ хлѣба, онъ ничего не признаетъ, и вмѣстѣ съ про-

свѣщенными протестантами будетъ бормотать старое „Вѣрую,“ надъ которымъ оба тихонько станутъ смѣяться: прекрасное зрѣлище оффиціальной лжи, выставляющейя со всевозможной помпой подъ сводами храмовъ!

Вѣдь намъ говорятъ, что таинственный ковчегъ, заключающій догматъ, пусть, — такъ зачѣмъ же оставлять его посреди храма, если не для того, чтобы заставить вѣрить, будто ничего не перемѣнилось? Если бы этотъ обманъ не казался полезнымъ, безъ него обошлись бы; но нѣтъ, за него держатся, потому что еще есть народъ, невѣжественная масса, которую хотятъ удержать въ заблужденіи. Если бы простыя души открыли, что ковчегъ пусть и что высокіе сановники, его окружающіе, хорошо это знаютъ, то ковчегъ былъ бы разбитъ и съ нимъ исчезъ бы спасительный страхъ, поддерживающій общественный порядокъ. Обманутые разсердились бы противъ умниковъ, ихъ обманывающихъ, и тогда, пожалуй, послѣдніе не встрѣтили бы должнаго имъ почтенія. Кто знаетъ что бы случилось? Мученичество перестало бы быть монополіей простаковъ, идущихъ прямо и говорящихъ открыто во что они вѣрують, а вѣдь было бы непріятно уподобиться имъ. Вотъ почему гораздо лучше соблюсти приличія и окружить фальшивымъ почтеніемъ пустой ковчегъ, чтобы заставить думать, будто онъ еще заключаетъ въ себѣ скрижали божественнаго завѣта. Пожалуй, это весьма благоразумно, но не совсѣмъ честно. Я не знаю ничего презрѣннѣе такого религіознаго собранія,

въ которомъ сквозь молитвы и пѣснопѣнія прокрадывалось бы скрытое невѣріе, въ которомъ на устахъ священнодѣйствующаго видна была бы тонкая насмѣшка надъ предметомъ поклоненія! Если на алтарѣ нѣтъ бога, или не тотъ богъ, котораго вы считаете истиннымъ, возьмите топоръ и разбейте идола, но по крайней мѣрѣ избавьте его отъ насмѣшливыхъ колѣнопреклоненій. Нѣтъ болѣе вѣрнаго средства развратить человѣчество до мозга костей, какъ научить его лукавить въ дѣлѣ религіи. То что называютъ „всеобщимъ смягченіемъ всѣхъ церквей“ есть ни что иное, какъ философское лицемѣріе, желающее удержать символы, тогда какъ исчезла вѣра въ то, что эти символы выражаютъ.

Г. Ренанъ допускаетъ, что миряне, какъ онъ, будутъ имѣть право дѣлать свои замѣчанія, но съ великою осторожностію. Но что станется съ просвѣщеннымъ священникомъ, обожающимъ новую вѣру, но и не разорвавшимъ съ тѣмъ ученіемъ, которое онъ обязался проповѣдывать? „Есть положенія, говоритъ находчивый авторъ, въ которыхъ приложеніе новыхъ принциповъ затруднительно. Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ. Духъ — это свобода. Но есть лица, привязанныя нѣкоторымъ образомъ къ абсолютной вѣрѣ; я хочу говорить о людяхъ духовныхъ. Но и тогда прекрасная душа найдетъ выходъ. Положимъ, что достойный сельскій священникъ, путемъ уединенныхъ изученій и чистой жизни, дойдетъ до убѣжденія въ невозможности буквально вѣрить догмату; — долженъ ли онъ опе-

чалить тѣхъ, которыхъ доселѣ утѣшалъ, долженъ ли онъ объяснять людямъ смиреннымъ духомъ тѣ перемѣны въ вѣрованіяхъ, которыхъ они не могутъ понять? Боже сохрани! Нѣтъ двухъ человекъ въ мірѣ, у которыхъ были бы совершенно одинаковыя обязанности. Добрый епископъ Колензо, обнаруживъ свои сомнѣнія, сдѣлалъ такой честный поступокъ, какого церковь не видѣла отъ своего основанія. Но смиренный католическій священникъ, въ мало развитой и робкой странѣ, долженъ молчать. О, сколько въ скромныхъ могилахъ около деревенскихъ церквей схоронено такихъ поэтическихъ, такихъ ангельскихъ умолчаній! Заслуга тѣхъ, кто долженъ говорить, сравняется ли съ этими тайнами, извѣстными одному Богу!

И вотъ мы опять попали на это знаменитое мученичество молчанія, проповѣдуемое Страусомъ по поводу Реймаруса, автора вольфенбютельскихъ отрывковъ. Его положеніе тоже предписывало ему умолчанія. Каждое воскресенье, въ бѣлѣйшемъ галстухѣ, какъ безукоризненный франтъ — клирикъ, онъ садился на консисторіальной скамейкѣ въ одной изъ церквей Гамбурга, чтобы присутствовать при проповѣди на догматическую тему. Этотъ великій святой страшно страдалъ, слыша какъ провозглашалось ученіе, которое онъ ствергалъ со всею энергіею, и думая объ одной язвительной анонимной рукописи, хранившейся у него подъ замкомъ и заключавшей истинную его мысль о христіанствѣ. О, поучительное и трогательное зрѣлище! Какую жертву онъ приносилъ своему хорошему жалованью!

Дрожа отъ злости, переносить правовѣрную проповѣдь для того, чтобы добыть хлѣбъ своимъ дѣтямъ. — Это великолѣпно: мы готовы съ сокрушеніемъ повторить слово Тортюфа: „бѣдный челоувѣкъ!“ Но Реймарусъ по крайней мѣрѣ не говорилъ проповѣдей; случай, придуманный Ренаномъ, безконечно важнѣе. Добрый священникъ, котораго онъ выводитъ на сцену, служитъ литургію, въ которую не вѣритъ; ежедневно совершаетъ требы, необходимо предполагающія вѣру, которой у него уже нѣтъ; онъ лжетъ, становясь къ алтарю; онъ лжетъ, давая отпущеніе въ грѣхахъ; онъ лжетъ, надѣвая ризу. А намъ восхваляютъ его и ангельское молчаніе! Вотъ языкъ столько же двусмысленный и лживый, какъ и положеніе, которое онъ описываетъ. Мы имѣли ангела, смертоноснаго, а г. Ренанъ даетъ намъ теперь ангела лжи. Пусть бы онъ, по крайней мѣрѣ, непримѣшивалъ имя Божіе къ этой церковной двуличности. Это страшное оскорбленіе. Тому, кто сказалъ: „не лжесвидѣтельствуй.“ Мы краснѣемъ и при мысли, что осмѣливаются давать такіе совѣты и предлагать подобный образъ дѣйствій призваннымъ представителямъ религіи. Говорятъ, что это съ добрымъ намѣреніемъ, что это для того, чтобы сохранить великую школу моральнаго совершенствованія. „Будемъ пользоваться свободою чадъ Божіихъ, но остережемся быть сообщниками въ оскудѣніи добродѣтели, которое грозило бы нашимъ обществамъ, если бы христіанство ослабло. Что мы будемъ безъ него? Кто замѣнитъ эту школу, въ которой преподается

столько серьезнаго и почтеннаго?“ Послѣ предшествовавшаго, читая эти строки, я думаю, что я сплю. Какъ, вы говорите о добродѣтели, о серьезномъ, о почтенномъ? И для поддержанія добродѣтели, вы рекомендуете преднамѣренныя умолчанія и безстрашное лицемѣріе? этими предполагаемыми оцорами христіанства будутъ священники, слуги Богу и людямъ, и вы воображаете, что они укрѣпятъ и очистятъ нравственность? Впрочемъ, не обманывайтесь: какими бы они ни были комедіантами, они непремѣнно измѣнятъ себѣ, и самую дѣйствительною ихъ проповѣдію окажется та, которую извлекутъ изъ ихъ примѣра. Собственнымъ примѣромъ они будутъ развивать любовь къ истинѣ и справедливости въ обществѣ, неслишкомъ склонномъ къ почитанію ихъ. Не достаточно ли одного этого несчастнаго листка вашей книги для того, чтобы вездѣ распространить оскорбительное подозрѣніе и въ храмахъ, которые вы хотите сохранить, не будетъ ли естественнымъ слѣдующій вопросъ: „кого здѣсь обманываютъ?“ Въ тысячу разъ лучше чтобы исчезли всѣ положительныя религіи, чѣмъ такой постыдный выкупъ за ихъ существованіе. Въ тотъ день, когда христіанство отказалось бы отъ своей благородной и смѣлой искренности, оно очутилось бы въ положеніи израильскаго героя послѣ того, какъ остригли его волосы. Извѣстно что сдѣлалось съ религіею Рима, когда его жрецы не могли смотрѣть другъ на друга безъ смѣха. Я предпочитаю циническій

смѣхъ ципероновыхъ ¹⁾ жрецовъ меланхолическимъ
взглядамъ ангеловъ въ рясахъ, которое начнутъ
поэтически обращать самое священное въ фикцію.
Да позволено будетъ мнѣ изъ прекрасной книги
г. Кине о французской революціи позаимствовать
одну страницу, на которой онъ удивительно хоро-
шо рисуется священника свободномыслящаго и
вмѣстѣ съ тѣмъ практически благоразумнаго. Онъ
задуманъ еще въ XVIII в., а теперь намъ предла-
гаютъ новый его идеаль. „Священникъ, служащій
обѣдню, не вѣря въ Евангеліе, ни въ церковь, ни
въ папство, ни преданію, ни даже Божеству І. Хр.
и вмѣстѣ съ тѣмъ показывающій видъ будто вѣ-
ритъ-вотъ и деаль реформы, которую Руссо пред-
лагаетъ послѣдующей ему революціи. Какъ все это
искусственно, какъ не выдерживаетъ ни малѣйшаго
испытанія! Заставьте думать, что вѣришь — вотъ
точка отправления. И затѣмъ никакой перемѣны
въ обрядности. Какъ будто нѣтъ никакого отно-
шенія между идеей и обрядомъ, между чувствомъ
и его выраженіемъ, между вѣрованіями и формою!
А съ точки зрѣнія нравственности, что за стран-
ная совѣсть, позволяющая всю жизнь носить мас-
ку! Если *новый* священникъ не будетъ говорить о
своихъ новыхъ вѣрованіяхъ, кто ими воспользу-
ется, даже просто кто можетъ узнать объ нихъ?
Если *новый* священникъ свои новыя вѣрованія бу-
детъ скрывать подъ старою обрядностію, если онъ

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ; извѣстно, что это за-
мѣчаніе Лукіана. *Ред.*

каждую минуту провозглашаетъ свою покорность певквн, то какимъ образомъ народъ, эти простые люди, пойметъ, что ихъ идеальный пастырь въ каждомъ словѣ отвергаетъ церковь, если онъ ничего не перемѣняетъ ни въ обрядахъ, ни въ словахъ, ни въ формахъ ея установленныхъ? И вотъ религиозная революція совершится, и объ ней никто и не будетъ знать. Вѣчное недоразумѣнн будетъ ея основаннмъ. Народъ, видя прежнн церемонн, прежнн таинства, останется въ убѣжденн, что остался и прежнн догматъ. Одинъ священникъ будетъ знать тайну совершившихся перемѣнн. Такимъ образомъ громаднѣйшее смущенн будетъ брошено въ человѣческую совѣсть — и въ результатъ — ни малѣйшаго обновленн?¹

Участвуя въ огромной борьбѣ, будетъ по крайней мѣрѣ сражаться съ поднятымъ забраломъ и съ открытою грудью. Если нападенн будутъ усложняться засадами, битва nebude честною. Пусть то, что вѣка признавали честнымъ и нравственнымъ парнмъ надъ нашими спорами, и да будетъ изгнана всякая безчестная и двоедушная тактика!

Г. Ренанъ посылаетъ прежннмъ религнмъ слѣдующее предостереженн. „Очевидно, говоритъ онъ; во первыхъ, что новѣйшая цивилизація не желаетъ, чтобы прежнн культы умерли совершенно, а во вторыхъ, что она не потерпитъ, чтобы старыя религнзныя установленн препятствовали ей въ ея пути. Имъ остается только уступить или

¹ Quinet. la Revolution, P. 131—133.

умереть.“ Известно, что на языкѣ г. Ренана значить уступить. Послѣ всѣхъ его объясненій, ошибиться не возможно: уступить значить отречься отъ своихъ вѣрованій, сохраняя свое мѣсто. По нашему мнѣнію, это значить не уступить, а умереть самымъ жалкимъ образомъ по слову поэта:

*Vivendo vivendi perdere causam.*¹

Такимъ образомъ предлагаемый выборъ—просто обманъ. Дѣло въ томъ, чтобы все таки умереть, только надобно выбирать между смертью раба, позорной и трусливой, и между смертью безъ страха, стоя. Если бы вопросъ былъ такъ поставленъ, то нашъ выборъ сдѣланъ заранѣе. Къ счастью, это совсѣмъ не такъ, какъ намъ будетъ легко доказать именно по поводу этой новой исторіи объ апостолахъ, которую намъ выдаютъ какъ последнее слово высшей науки, предлагающей намъ такія тяжкія условіе. Нѣтъ, мы вовсе не чувствуемъ ножа усвоего горла: это не болѣе какъ маленький фантастическій кинжалчикъ, пугающій развѣдѣтей. Христіанство могло бы отвѣтить тѣмъ, которые такъ говорятъ отъ имени новѣйшей цивилизации: “я не хочу ни того, ни другаго; я хочу жить и расти, и чтобы рѣшиться на что нибудь отчаянное, подожду пока явится болѣе страшный призракъ.“

По крайней мѣрѣ предложеніе г. Ренана заключаетъ въ себѣ спасительное предостереженіе для будто бы представителей христіанства, которые

---

¹ Живя, утратить источникъ бытія.

желали бы, отнявъ отъ него все сверхъестественное, сдѣлать его болѣе удобопріемлемымъ для новѣйшей цивилизаціи. Религія безъ таинствъ, безъ чудесъ, низведенная на степень чистаго натурализма—вотъ религія, которая уступаетъ. И такъ пусть не удивляются, если мы отклоняемъ всякую солидарность съ тѣми, кто такъ смиренно преклоняется предъ вѣкомъ. Пусть будетъ извѣстно, что они одни подписываютъ договоръ. Когда сраженіе начато, подобныя капитуляціи равнялись бы совершенному пораженію.

Въ ближайшей статьѣ мы рассмотримъ книгу Ренана съ точки зрѣнія богословскихъ познаній автора. Мы увидимъ, что онъ не даетъ солиднаго основанія своей аргументаціи противъ сверхъестественнаго въ религіи, что она есть ни что иное, какъ простое отрицаніе, и что своимъ упрощеннымъ способомъ онъ все таки не объясняетъ основанія церкви, равно какъ не можетъ дать отчета въ чудесномъ появленіи ея среди исторіи человѣчества. Что касается до его философіи, то что объ ней сказать? Она все и ничто. Судите объ ней по заключенію предисловія: Люціанъ и св. Тереза, Аристофанъ и Сократъ, Вольтеръ и Францискъ Ассизскій, Рафаель и Винцентъ де—Поль—равно необходимы и еслибы кого нибудь изъ нихъ не доставало, человѣчество потеряло бы одинъ изъ элементовъ его слагающихъ. „Эти слова напоминаютъ философа, описаннаго Альфредомъ де Мюссе, Посмотри, какъ всеобъясняюща моя философская мысль: изъ всего, что было, составить единствен-

ное образцовое творение — вотъ моя цѣль. Брама, Юпитерь, Магометъ, Платонъ, Іовъ, Мармонтель, Неронъ и Босюеть — всѣ найдутъ тамъ свое мѣсто. Мое творение — сама неизмѣримость.

Не правда ли, что система г. Ренана имѣетъ общій характеръ съ этою дивною поэмою поэта философа? Не слышенъ ли въ ней хоръ насѣкомыхъ, поющихъ на берегу воды? Вспомните, какое значеніе приписываетъ онъ описаніямъ сельскихъ картинъ и какое вліяніе у него имѣютъ милыя животныя земныя и водяныя на происхожденіе боговъ. Мы не хотѣли начинать сегодня предъ судомъ науки этотъ большой литературный процессъ. Насъ прежде всего занималъ вопросъ нравственный, мы имъ прямо и занялись. Передъ совѣстію, всѣ различія богословскія и философскія должны исчезнуть, потому что — чтобы ни говорилъ Ренанъ — нѣтъ двухъ нравственныхъ законовъ, нѣтъ двухъ сортовъ обязанностей, и такъ какъ онъ говоритъ, что „спасеніе зависитъ отъ степени благородства, которое каждый носить въ себѣ“, то мы надѣемся побѣдить его, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока благоразумная ложъ будетъ считаться менѣе благородною, чѣмъ отважная откровенность, предъ которой никнуть всякіе расчеты. Я знаю, что онъ самъ не желалъ бы этой двуличности; обнародованіе его книги защищаетъ его отъ такого подозрѣнія. По какому же праву совѣтовать другимъ то, чего самъ стыдишься? Развѣ это не нарушеніе и оскорбленіе нравственнаго закона? Пришлось бы отчаяться въ общественной честности, еслибы по-

добныя теории могли проходитьъ безъ протестовъ даже въ средѣ противниковъ христіанства. Конечно мы очень расходимся съ гг. Вашеро и Литре, но мы увѣрены, что они раздражаютъ наше отвращеніе отъ этой новаго рода казуистики, стремящейся установить орденъ преподобныхъ отцевъ свободномыслящихъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Торжественная Панихида.

16-го сентября, въ Крестовой церкви Полтавскаго Архіерейскаго дома, Преосвященнѣйшій Юаннъ, Епископъ Полтавскій и Перяславскій со всѣмъ городскимъ духовенствомъ совершалъ панихиду о упокоеніи души Графа Михаила Николаевича Муравьева, скончавшагося 29-го августа. Въ этой незаказной молитвѣ по знаменитомъ сынѣ Россіи принимали участіе всѣ важнѣйшія лица нашего города, присутствовавшіе при совершеніи панихиды, всѣ начальники отдѣльныхъ частей, а также множество народа Полтава показала ясно, что она знала покойнаго Графа и глубоко чтить его заслуги.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ *Ветхій Заветъ* въ русскомъ переводѣ съ еврейскаго, съ учеными примѣчаніями *М. С. Гуляева* (9-ть книгъ историческихъ: четыре книги Царствъ, двѣ книги Паралипоменонъ, Ездры, Неемии, Есфирь), Цѣна *два р. с.* съ пересылкою. Такъ какъ Профессоръ Кіевской Д. Академіи *М. С. Гуляевъ*, объявившій подписку на изданіе означеннаго перевода, волею Божіею скончался, то гг. желающіе подписаться на это изданіе, благоволятъ адресоваться прямо и исключительно на имя *Редакціи журналовъ, издаваемыхъ при Кіевской Духовной Академіи.*

ЧИСЛОВЫЯ ОПЕЧАТКИ.

въ статьѣ „Преосв. Филаретъ, Архіеп. Черн.“

н а п е ч а т а н о .

д о л ж н о б ы т ь

стран.	строка		
248	9 сверху	1865	1866
	18 — —	1865	1864
251	9 снизу	66	96
254	9 — —	1855	1859
258	13 сверху	1853	1863
259	15 — —	858	258
261	6 снизу	5	4
	1 — —	3, 5, 6 и 9	3, 4, 5 и 6,

стран.	строка	должно быть
264	4 сверху стр. 337	217; № 10, стр. 336
—	9 — — 556	546
—	14 — — 666	656
—	16 — — 836	736
264	21 — — 215	265
266	2 — — 00	100
	между № № 113 и 114	долженъ стоять 1864 г.
268	4 снизу 133	1, 33
269	2 сверху 379	279
—	16 — — 3865	1865

ИСОЛВЫ ОЩАТЯН

въ статьѣ „Проектъ Филарета“

Содержаніе	Стр.
I. 38 е письмо Высочайшего Преосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Кіевскаго.	38
II. Рѣчь при началѣ ученія въ Полтавскомъ Женскомъ Училищѣ.	113
III. Преосвященный Филаретъ, Архіепископъ Черниговскій и Нѣжинскій (Окончаніе).	133
IV. Критическая школа и Апостолы.	133
V. Панихида о упокоеніи души Графа Муравьева.	379
VI. Объявленіе.	3865

Редакторъ Шротъ. Н. Думитрашко.

Печать дозволяется 1866 г. 20-го Января 1-дня. Цензоръ Пр. Катрамова.

Полтава. Въ типографіи вр. Н. и П. Пигуренко.